

Хрусталёва Анна Владимировна

КРИТИКА П. Е. ЩЕГОЛЕВЫМ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ М. О. ГЕРШЕНЗОНА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/9/50.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 9 (52). С. 145-148. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

5. **Моргулис М.** Из моих воспоминаний // Восход. 1895. № 4.
6. **Проскурина В. Ю.** Переписка В. И. Розанова и М. О. Гершензона // Новый мир. 1990. № 3.
7. **Шолом Аш.** Рассказы // Вестник Европы. 1908. № 6.
8. **Harshav B.** Language in Time of Revolution: Transformation of the Jews in the Modern Age and the Renaissance of Hebrew. Berkeley: University of California Press, 1993.
9. **Pipes R.** Russia Under the Old Regime. 2nd ed. New York: Collier Books, 1992.

УДК 821.161.1

Анна Владимировна Хрусталёва

Саратовский государственный социально-экономический университет

КРИТИКА П. Е. ЩЕГОЛЕВЫМ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ М. О. ГЕРШЕНЗОНА[©]

Начало профессионального изучения творчества Пушкина известным историком, публицистом, архивистом М. О. Гершензоном может приблизительно быть датировано 1905 годом, когда исследователь вплотную приближается к задаче составления «научной» биографии национального гения. Личный интерес оказывается тождественен задачам более «академичных» пушкинистов: в русле изучения фактов биографии русского поэта Гершензон совместно со столь разными исследовательскими фигурами как П. Е. Щеголев, Н. О. Лернер, В. Я. Брюсов и В. Ф. Ходасевич пытается решить, насколько личная жизнь художника сопоставима с его творчеством, можно ли говорить о прямых заимствованиях материала для творчества из эмпирическим путем постигаемой реальности.

Не требует дополнительных доказательств тот факт, что биографический метод для Гершензона - стержень его исследовательской методологии, если по отношению к данному исследователю позволено говорить о методологии как таковой. Радикальный биографизм Пушкина, прямое соответствие между описываемыми им в поэзии чувствами и переживаниями и фактами его реальной жизни, единство автора и лирического героя пропагандируется практически во всех статьях Гершензона, причем следует отметить, что ученый был близок к подобному биографическому подходу еще в ранних статьях, написанных не позднее 1906 года, и, следовательно, литературная критика Гершензона находится в самой тесной связи с его историко-биографическими работами, непосредственно ей предшествовавшими [8, с. 288-317].

Руководствуясь принципами своего учителя по Московскому университету П. Г. Виноградова, Гершензон проводит сопоставительную критику первоисточников, т.е. писем, дневников и иного рода материалов на предмет сходств и различий изображения одних и тех же событий. Исследователь приходит к выводу, что следует различать два основных типа информаторов - во-первых, фактически точных, последовательных «регистраторов» изображаемого, во-вторых, «тенденциозных» повествователей, допускающих изрядную долю вымысла или искажения имевших место фактов и обстоятельств в свое повествование. Противопоставление этих двух типов повествователей обнаруживается в литературно-критических статьях Гершензона достаточно последовательно: например, позднее он упрекает в тенденциозности Степняка-Кравчинского за проявление в художественных текстах революционно-демократических настроений, правда, тут же сам критик выступит и апологетом автора - Степняк-Кравчинский не мог писать иначе, борьба с существующим общественным строем наполнила собой всю его жизнь, поэтому и художественный мир автора приобрел специфические черты, стал, по словоупотреблению Гершензона, «тенденциозным». В подобной же тенденциозности он упрекал и многих других авторов, никак стилистически, идейно, композиционно не связанных между собой - например, Айзмана, которому в вину ставилось неумение подняться выше собственного сюжета, увидеть перспективу, показать другие пути развития и роста его героев, кроме как на мрачном фоне еврейского местечкового быта. Стоит подчеркнуть, что противопоставление авторской тенденциозности и честности в отношении фактов - основополагающая черта критических статей Гершензона.

Один из первых опытов гершензоновской пушкинистики «Друг Пушкина Нащокин» (1904) вполне показателен в данном отношении, так как в статье декларируется художественное бескорыстие Пушкина и идейное пристрастие Гоголя. Статья основана на архивных материалах. Центральной фигурой ее стал неунывающий общий знакомый Пушкина и Гоголя Нащокин, который проматывает свое состояние, женится на цыганке, тратит деньги на знахарей и колдунов, задает балы, будучи близок к нищете. Любопытен тот вывод, которым заканчивает свою работу Гершензон. Обнаружив, что и Пушкин и Гоголь использовали образ Нащокина в своем творческом мире (Пушкин в неоконченном «Русском Пеламе», Гоголь в «Мертвых душах»), исследователь подмечает, что использовали они его по-разному. Исследователь заявляет, что на примере Нащокина Гоголь занимается морализаторством, в то время как Пушкин всего лишь беззаботно смеется над выходками своего героя: «Пушкина Нащокин интересуется явно своими чисто художественными особенностями; живописной яркостью своей фигуры и жизни, гармонической игрой крупных душевных сил... Пушкина мог очаровывать в Нащокине самый процесс его бурных переживаний... Гоголя эти переживания

отталкивают своей греховностью или общественной злобностью; он и не станет их изображать ради них самих. Но они интересуют его своим пророческим смыслом и своими утилитарными результатами... Художественная бескорыстность Пушкина и идейный утилитаризм Гоголя - таков, на наш взгляд, главный пункт различия в отношении того и другого к личности Нащокина; и этот вывод, как легко можно понять, не лишен более общего значения» [6, с. 171].

Здесь, в статье 1904 года, мы сталкиваемся с истоком радикального биографизма Гершензона: по его мнению, Пушкин в силу своего дара умеет изображать только то, что видел, чувствовал и пережил сам, не внося сознательных искажений в изображаемое. Гоголь же, напротив, склонен подвергать черты действительности серьезной рефлексии. Позднее такую же рефлексию Гершензон обнаружит и у других крупных русских писателей - Чехова, Толстого. Таким образом, русские писатели разделялись литературоведом на две категории в зависимости от природы их художественного дарования. Несравненно выше ставятся Гершензоном «честные», по его собственному определению, писатели, то есть те авторы, которые воспринимают реальность фотографически, не внося каких-либо специфических искажений в процессе ее творческой обработки.

«Пушкин необыкновенно правдив, в самом элементарном смысле этого слова; каждый его личный стих заключает в себе автобиографическое признание совершенно реального свойства, - надо только пристально читать эти стихи и верить Пушкину. Такой опыт медленного чтения и представляет наш очерк» [5, с. 156] - так формулирует свое исследовательское кредо Гершензон.

Несколько позднее позиция тотального биографизма Пушкина примет в творческой лаборатории исследователя столь прочное место, что будет всецело ассоциироваться не только с методом медленного чтения, но и вообще со всем исследовательским инструментарием пушкиниста в целом. Так, обратим внимание, что Вересаев, критикуя Гершензона, отождествляет позицию радикального биографизма с его **методом**: «Метод его никуда не годится, но сам он так умен и интересен, так знает Пушкина, и так трогательно любит его... что читаешь любую его работу, не соглашаешься подчас ни с одним словом, всю статью испещришь восклицательными и вопросительными знаками, а прочтешь, - и столько в голове поднимается вопросов... что больше получаешь от этой книги, чем от иной, с которой соглашаешься вполне» [3, с. 21].

В. Вересаев, называя свою книгу о поэте «В двух планах», хотел тем самым подчеркнуть наличие пропасти между Пушкиным-человеком и Пушкиным-поэтом, выступая, таким образом, против выискивания биографических фактов в поэтической ткани художественного произведения. Опровергая ряд принятых в литературоведении датировок, в том числе дату написания элегии на смерть Амалии Ризнич, Вересаев указывал: «Пушкин был, бесспорно, художественно честен, но отнюдь не в автобиографическом плане. Вера в автобиографическую точность его поэтических показаний представляет один из самых странных предрасудков нынешних исследователей» [2, с. 12].

Вересаев указывает, что в подавляющем большинстве произведений мы имеем дело с воспоминанием, но не с моментальным отображением чувства. Таким образом, говорить о тотальной автобиографичности поэта неприемлемо хотя бы уже и на основании хронологического критерия: временные границы, отделяющие текст стихотворения от непосредственных впечатлений, послуживших стимулами для его создания, препятствуют точности и четкости передачи информации. Перечисляя факты намеренного искажения действительности Пушкиным, Вересаев приводит достаточно яркий пример - поэтическое описание поэтом фонтана Бахчисарайского дворца «Фонтан любви, фонтан живой!» вступает в непримиримое противоречие с «прозой жизни», как она отображается в одном из писем Пушкина: «Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадой на небрежение, в котором он истлевет» [Там же, с. 48]. Вывод же из своих наблюдений Вересаев делает следующий: «Ни единого твердого биографического факта нельзя извлечь непосредственно из поэтических признаний Пушкина» [Там же, с. 37].

Таким образом, в критике Вересаевым радикального биографизма Гершензона важное место занимает тезис о хронологической верификации: необходимо сопоставлять дату написания произведения (разумеется, в пределах, допустимых неточными по своей сути гуманитарными науками) и биографический факт, связь которого непосредственно с появлением произведения еще требуется доказать.

Интересно в этой связи обратиться к критике гершензоновской позиции другим значимым историком и литературоведом - П. Е. Щеголевым, который, до определенной степени принимал тезис о возможности использования биографического материала как подручного при комментировании художественного текста. Труды Щеголева «Зеленая лампа» (1908) и «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина» (1911), получившие широкий резонанс в гуманитарной среде, были восприняты современниками как методологически четкие и строгие, автор их выступал адвокатом критического пересмотра всех источников, касающихся Пушкина, а также широкого привлечения черновых рукописей поэта для создания объективной, подлинно научной пушкинистики. Достоин внимания, с нашей точки зрения, то, что Щеголев, критикуя Гершензона, впадает в логическую ошибку подмены тезиса, фактически он ведь не приводит ни **единого** аргумента против биографического наполнения метода медленного чтения как такового. Суть критики сводится к тому, чтобы отместить в сторону нежелательную кандидатуру, неприемлемую, с точки зрения Щеголева, в роли любимой женщины Пушкина периода его южной ссылки.

В статье 1908 года «Северная любовь Пушкина» [7], посвященной прояснению наименее изученных фактов пушкинского пребывания на Кавказе и в Крыму в 1820 году, подробно изучив маршрут Пушкина, время его отправления из Петербурга и встречи с Раевскими, а также приводя документы из семейного

архива М. Ф. Орлова - мужа Раевской, Гершензон выдвигает своеобразную версию о «северной любви» великого поэта. Он предполагает, что Пушкин был влюблен не в Раевскую, а в Марию Аркадьевну Голицыну, урожденную Суворову-Рымникскую.

«Не подлежит никакому сомнению, что Пушкин вывез из Петербурга любовь к какой-то женщине, и что эта любовь жила в нем на юге еще долго, во всяком случае - до Одессы...» [Там же, с. 275] - заявляет исследователь. Причем основным доказательством служат строки, передающие печальные воспоминания Пушкина о своей возлюбленной: «Все думы сердца к ней летят / Об ней в изгнании тоскую». По мысли Гершензона, эти строки могли быть посвящены только Голицыной, так как Раевская все время была рядом с поэтом, и, соответственно, было бы странно поэту тосковать о ней. Пушкинский текст, таким образом, признается достоверным источником биографических подробностей.

Гипотеза Щеголева заключалась в том, что Пушкин любил М. Н. Раевскую, и именно обоснованию этого положения он и посвящает свою работу «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина» [11, с. 53-193],носящую явно полемический оттенок по отношению к результатам исследований Гершензона.

Любопытно, что Щеголев полагает труды Гершензона опытом синтеза, таким образом, явно ставя их выше рангом довольно большого числа работ современной ему пушкинианы, но синтез этот, с его точки зрения, неудовлетворителен: «Пушкиноведение давно ощущает потребность в синтезе, навстречу этой потребности идет попытка Гершензона. Но другая, столь же необходимая задача пушкинских изучений - критическое рассмотрение уже вошедшего в обиход материала, критическое выяснение происхождения тех или иных утверждений, обычно повторяющихся и в изданиях сочинений поэта, в исследованиях о нем. <...> Мы должны отдать отчет в наших знаниях о жизни и творчестве поэта и разжаловать многие биографические, текстуальные и историко-литературные утверждения из их догматического сана; само собой понятно, осложнение старых легенд и предположений новыми, собственного изобретения, только задерживает научное изучение Пушкина. Но не будет ли синтез Гершензона новой легендой?» [Там же, с. 56].

Щеголев отмечает, что эпизод отношений Пушкина с княгиней Голицыной был рассмотрен еще в 1882 году А. И. Незеленовым [10]. Голицына представляла собой особый слой русской аристократии - жила большую часть жизни за границей, общалась со многими западными знаменитостями. Приведя сведения о ближайших родственниках княгини, дав общую зарисовку той атмосферы, в которой происходило становление ее личности, Щеголев указывает и на своеобразие, богатую интеллектуальную одаренность изучаемого им лица - знание ею иностранных языков, а также незаурядный талант певицы. Так, известный поэт пушкинского времени Иван Козлов посвящает Голицыной несколько строк в благодарность за проявленное к нему внимание - будучи разбит параличом, потеряв зрение, он высоко ценил общество тех людей, которые обнаруживали интерес к нему самому и его поэзии. Факт вращения Суворовой-Голицыной в свете Щеголев повторно отмечает и по бумагам Жуковского, а также по переписке Тургенева с князем Вяземским: «Сегодня сюда приезжают русские... княгиня Голицына (Суворова), которая все просит тебе о чем-то напомнить» [11, с. 68].

Обрисовывая широкий круг заграничных знакомств Голицыной, Щеголев указывает и на замечательный факт ее переписки с Шатобрианом. С конца 1836 года княгиня Голицына живет во Флоренции, где, согласно информантам исследователя, принимает лютеранство. Обращение это было неожиданно, поскольку Голицына подвергалась воздействию католической среды.

Дав общую информацию и приступая непосредственно к рассмотрению гипотезы Гершензона, Щеголев указывает в качестве первого ее недостатка однобокость: она основана на трех текстах, из которых два, как полагает критик, посвящены не Голицыной. Щеголев утверждает, что только одно из произведений, а именно открывающееся словами «Давно о ней воспоминанье» имеет конкретное указание **самого** Пушкина на посвящение конкретной персоне. Факт подобной адресации в отношении двух других текстов, составляющих аргументативную базу Гершензона, никем не доказан и приводится голословно вслед за издателем Пушкина Морозовым. Элегии «Умолкну скоро я» и «Мой друг забыты мной», по словам Щеголева, впервые были отнесены Голицыной Ефремовым в 1880 году.

Дополнительно исследователь указывает на ошибку Анненкова, рассматривавшего стихотворение с посвящением М.А.Г. (т.е. Мария Аркадьевна Голицына) в ряду стихотворений кишиневского периода, в то время как оно было написано в Одессе.

Решительно отмечая возможность существования какой-либо любовной связи между Пушкиным и Голицыной, Щеголев не дает аргументов, заставляющих коренным образом пересмотреть суть дела. По существу, он ведь также выдвигает только предположение - Пушкин не был влюблен в княгиню Голицыну, он лишь поблагодарил ее за сердечное пение, отдал дань ее таланту исполнительницы. Но такая точка зрения отмечена той же степенью труднодоказуемости, что и позиция Гершензона.

Показательно, что Гершензон, возражая своему оппоненту, указывает на смысловое смещение фокуса полемики. Щеголев большей частью рассуждает о невозможности глубокого чувства Пушкина к Голицыной, целью же Гершензона было с помощью метода медленного чтения изобразить душевное состояние поэта во время первой ссылки.

«Я постарался собрать все показания Пушкина, убеждающие меня в том, что он увез из Петербурга и долго еще на юге носил в себе любовь к какой-то женщине, которую там полюбил. На первом месте для меня стоял самый факт этой «северной любви». В ней я убедился и остаюсь убежденным донныне. - Совсем иное дело, *кто* (курсив авт.) была эта женщина» [4, с. 194].

Ключевым аргументом в споре было, однако, прочтение рукописной версии посвящения «Полтавы», поскольку именно там Пушкин говорит о некоей «утаенной» любви. «Пушкин оставил поэтическое свидетельство, которое не только удостоверяет нас в том, что поэт любил именно Марию Раевскую, но и указывает на глубину и серьезность чувства поэта и набрасывает в тонких очертаниях характеристику этой страсти. Это поэтическое свидетельство - посвящение к «Полтаве»...» [11, с. 176].

Щеголев полагал, что строка «Сибири хладная пустыня» из рукописного варианта посвящения относит нас к Раевской-Волконской, добровольно последовавшей в Сибирь за своим осужденным мужем. М. Н. Раевская-Волконская, в 1828 году, когда писалось посвящение, проживала уже в месте лишения свободы ее супруга. Таким образом, в данном случае допустимо и буквальное прочтение поэтического тропа. Но Гершензон настаивал, что географическое название в данном случае всего лишь метафора, кроме того Раевская-Волконская была незаметным подростком, когда ее увидел Пушкин несколькими годами ранее, поэтому приписывание поэту глубокого сердечного чувства к этой женщине - гипотеза, построенная на большом количестве допущений и хронологических натяжек.

В противоположность оппоненту, Щеголев судит о значительности влияния М. Н. Раевской на поэта по протяженности затронувшего душу Пушкина любовного чувства, по обилию художественных произведений, вызванных этой любовью. Он полагает, что поэт мог познакомиться с Марией Раевской еще до южной ссылки. Именно обстоятельства - ее решение быть верной своему мужу до конца, ее гордость и непреклонная сила воли могли расцветить знакомый образ в душе поэта новыми красками.

Нетрудно заметить, что несмотря на декларации оппонентов, спор шел вокруг конкретного лица - одной женщины, и таким абсолютно нецелесообразным путем вопрос о биографической значимости пушкинских произведений решен быть не мог. В самом деле, какое же конкретное значение имеет имя и фамилия одной из любимых женщин Пушкина, если основополагающей является совсем другая проблема - реально ли отображал поэт в поэзии свой жизненный опыт? История одной Голицыной решительно ничего в данном случае не доказывает, но это, видимо, мало интересовало литературоведов.

В 1914 году в полемику вступил М. Цявловский, утверждавший, что окончательное решение вопроса лежит в прочтении стихотворения «Не пой, красавица, при мне...».

В. Брюсов, критически воспринявший позицию Гершензона, отмечал, что и Щеголев, при всей его склонности к проверке и перепроверке фактов, не дает полного и убедительного доказательства своей версии: «Надо, однако, заметить, что доказательства г. Щеголева большей частью психологические, а не основаны на документах, и потому не должны считаться неопровержимыми» [1, с. 125].

Интересно, что точка в данном вопросе не поставлена и до сих пор. Так, в 1993 году появилась новая статья по той же проблематике [9, с. 122-142].

Список литературы

1. Брюсов В. Мой Пушкин. Мюнхен: Вильгельм Финк, 1969.
2. Вересаев В. В двух планах. М., 1929.
3. Вересаев В. Об автобиографичности Пушкина // Печать и революция. 1925. № 5-6.
4. Гершензон М. О. В ответ П. Е. Щеголеву // Пушкин и его современники: материалы и исследования. СПб., 1911. Вып. 14.
5. Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1919.
6. Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. Томск: Водолей, 1997.
7. Гершензон М. О. Северная любовь Пушкина // Вестник Европы. 1908. № 1.
8. Гершензон М. О. Семья декабристов // Былое. 1906. № 10.
9. Есипов В. Имя звезды (к проблеме «утаенной» любви Пушкина) // Вопросы литературы. 1993. № 3.
10. Незеленов А. И. Пушкин в его поэзии. СПб., 1892.
11. Щеголев П. Е. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина // Пушкин и его современники: материалы и исследования. СПб., 1911. Вып. 14.